

Прасковья АЛЕКСЕЕВА

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Балыков Санжа¹ (домашнее имя Шалвур) родился 2 марта 1894 году — в год Лошади по восточному календарю на хуторе Богла станицы Денисовской Области Войска Донского. В семье Балыковых дети, рождавшиеся после первенца Бадмы, умирали в младенчестве. Чтобы сохранить очередного ребенка, по калмыцкому обычаю, надо было принять новорожденного в "шалвур", специально сшитые белые портки, после чего перерезать пуповину. Принятый таким образом сын Балыковых получил имя Санжа, а неблагозвучное имя "Шалвур" служило оберегом от злых духов. Это имя стало псевдонимом писателя — он подписывался "Шалвур Ниминов" (Нимя — имя матери).

Станица Денисовская была центром Богшургакинского аймака, в который входили еще несколько хуторов, раскинувшихся по берегам небольших степных речушек, — Эльмт (х. Мокрая Эльмота), Хадта (х. Каменный), Чирвкю (х. Таловый), Дюндю (х. Кривой Лиман), Богла (х. Потаповский), Сал (х. Новониколаевский). Позднее эти названия хуторов, дышащие ароматом родной степи, вновь оживут на далекой чужбине на страницах произведений С. Б. Балыкова.

На 1 января 1914 года в станице Денисовской (позднее — ст. Новониколаевская) проживало 4850 душ населения.

Отец Санжи Басан Балыков был табунщиком в Задонской степи. Это был довольно распространенный вид отходничества среди рядовых калмыков-казakov. Работая табунщиком на государственных или частных конных заводах, казак освобождался от воинской службы, получал возможность иметь заработки на содержание семьи. Но по мере того как дети подрастали, сыновьям приходило время идти на сборы по месту приписки в станицах, а девушкам выходить замуж, табунщики возвращались в родные аймаки. Так, видимо, Балыковы вернулись на хутор Богла.

Санжа росмышленым мальчиком. Видя его способности, родители решили его, одного из девяти детей, отдать в школу. Он оправдал надежды родителей, успешно закончив хуторскую школу, поступил в четырехклассное высшее городское училище в станице Великокняжеская (калмыцкое название "Чапрак", ныне город Пролетарск Ростовской области), центре Сальского округа Области Войска Донского. По окончании училища Санжа Балыков получил звание народного учителя и начал недолгую учительскую деятельность в школе хутора Чирвкю (х. Таловый). В 1914—1915 учебном году он учительствовал в школе хутора Атаманский. Об этом мы узнаем из "Памятной книжки Области Войска Донского на 1915 год".

В то время калмыцкими школами заведовали русские учителя, а преподава-

¹ По официальным данным, год его рождения 1895-й. Санжа опоздал на первые станичные сборы казачат, пошел на сборы с новобранцами следующего, 1895 года рождения. (Записано со слов племянницы С. Б. Балыкова К. Б. Асархиновой в 1994 г.).

тели-калмыки назывались помощниками учителя. Они вели уроки родного языка, основы буддизма. В той же "Памятной книжке" есть запись о том, что школой хутора Атаманский заведует М. Е. Деркач, а учителями служат С. Б. Балыков и Р. Уланкинов.

С августа 1917 года начинается военная служба С. Б. Балыкова. Он был направлен в Новочеркасское казачье училище: война с Германией обернулась значительными потерями и русская армия остро нуждалась в офицерских кадрах.

Вскоре грянула революция 1917 года, расколовшая людей на два непримиримых лагеря. Дон стал местом сосредоточения оппозиции. Сюда стекались военные силы контрреволюции, гражданские лица, не принявшие идеи большевизма и просто напуганные размахом насилия, военных действий, развернувшихся в России. Разразилась гражданская война. С ноября 1917-го и до конца 1920 года С. Б. Балыков воевал в составе белоказачьих войск: начал курсантом Новочеркасского училища, а покидал родину в ноябре 1920 года вместе с остатками врангелевской армии в чине сотника Зюнгарского калмыцкого полка. Так Санжа Балыков стал эмигрантом. Завершилась еще одна страница его биографии — военная.

Начиналась новая жизнь, на чужой земле, полная тревог, лишений, напряжения всех сил, чтобы выжить, и выжить достойно. Как и многие тысячи российских эмигрантов, Санжа Балыков остро переживал чувство оторванности, отверженности от родины. В поисках своего места в жизни ему пришлось вести скитальческую жизнь эмигранта-беженца, человека без гражданства, без родины.

В Турции, чтобы не умереть с голоду, многие калмыки-казаки, в том числе С. Балыков, поступили на службу в английский оккупационный корпус. Из Турции он попал в Болгарию, где был тяжелый труд на сельскохозяйственных работах. Оттуда через Югославию осенью 1924 года перебрался во Францию, в город Куерон, испытал "прелести" жизни фабричного рабочего-иммигранта.

В середине 20-х годов, когда часть интеллигенции калмыцкой эмиграции нашла прибежище в Чехословакии, при финансовой поддержке, которую оказывала эта страна русским эмигрантам, в 1923 году в местечке Стражница, около Праги, была создана "Калмыцкая комиссия культурных работников" (в дальнейшем — "КККР"). Она должна была вести культурно-просветительную работу среди калмыцкой эмиграции. Для этих целей был создан печатный орган "Улан Залата", издавали журнал "Хонхо" ("Колокольчик"), где печатались произведения калмыцкой литературы, фольклор, материалы на старокалмыцкой письменности.

Пережитое — война, отступление, беженство — все эти события откладывались в памяти, будоражили мысль, просились на бумагу. Скитальческая жизнь эмигранта не давала возможности заняться писательским трудом, чтобы заново пережить вместе с героями литературных произведений прошлую жизнь, мирную, идеализированную в воспоминаниях жизнь в Задонских степях, такую непритязательную, привычную для любого степняка-труженика, когда не было войны, не было деления на "чужих" и "своих".

Возможность заняться литературным творчеством у С. Балыкова появилась с переездом в Прагу, когда его пригласили на должность технического секретаря "КККР". Он совместно с Ш. Баиновым занимался трудной работой каллиграфа, воспроизводством калмыцких текстов на старокалмыцкой письменности "тодо бичиг" для издаваемых журналов.

* "Сотник" — офицерское звание в казачьих войсках, в сухопутных — соответствует званию "поручик", в морских — "мичман".

К 1929 году, в связи с общим экономическим кризисом, русские эмигранты лишились финансовой субсидии чехословацкого правительства, и деятельность "КККР" в Чехии почти прекратилась.

С. Б. Балыков вместе с Ш. Н. Балиновым примкнули к Вольноказачьему движению, и в рамках его политической программы в 1928 г. создали свою политическую организацию "Халымг Тангчин Туг" ("ХТТ") со своей программой национального возрождения. На личные скудные финансовые средства подготовили издание печатного органа "Ковыльные волны" ("Цаһан өвснө дольган").

В 30-е годы почетным председателем "ХТТ" была княгиня К. А. Тундудова, жена Данзана Тундудова, проживавшая в то время в Париже. (Ковыльные волны. — 1936. — №№ 13—14, с. 5).

С. Б. Балыков оставался в Праге, в издательстве журнала "Вольное казачество", а Шамба Балинов переехал во Францию, чтобы наладить издание "Ковыльных волн".

В Вольноказачьем движении С. Б. Балыков вел довольно активную работу, считая, что калмыки, по своей малочисленности, без средств не могут решать вопросы своего национального возрождения без казачества. Он ведет обширную переписку с представителями калмыцких колоний во Франции, Югославии, Болгарии, вовлекая в ряды движения многих сочувствующих. С. Б. Балыков обеспокоен тем, что калмыки рассеяны по многим странам Европы, начинают забывать родной язык, обычаи, народные традиции. В условиях иной среды появилось много смешанных браков, уменьшилось число говорящих на родном языке. Он считал, что жизнь калмыков в промышленных городах, работа на фабриках и заводах не идет на пользу степнякам — многие из них болеют, преждевременно уходят из жизни.

В конце 20-х годов в Праге сформировался Казачий колониальный комитет, который занимался организацией переселения казаков в южные штаты Америки, в штат Техас и в северную часть Южной Америки, в Мексику. Представители комитета ездили туда "на разведку", вели переговоры с банками о предоставлении ссуд для покупки земли.

С. Б. Балыков, являясь с Ш. Балиновым членом Казачьего колониального комитета, хотел в число переселенцев-казаков включить калмыков. По этому поводу он вел переписку с представителями калмыцких колоний Югославии, Франции, Болгарии, и у него образовался список в 350 человек.

На новом месте планировалось поселиться компактно, образовывать станицы, которые бы именовались по названиям калмыцких колоний, например, "Югославская калмыцкая станица" ("Сербская станица"), "Французская калмыцкая станица" и т. д. Но с переселением калмыков в Америку в 30-е годы не получилось, хотя представители русского казачества до второй мировой войны сумели переселиться туда и обустроиться.

Переселенческий вопрос еще долго волновал калмыцкую эмиграцию. После несостоявшегося переселения в Америку, они стали обращать взоры на восток. Калмыки решили переселиться в Азию, ближе к Монголии, где живут народы, родственные по языку, религии. По примеру русских эмигрантов из Франции, переселившихся в Маньчжурию, где им отвели земли, предоставили орудия труда, скот, калмыки вознамерились переселиться в Маньчжурию, где, по слухам, проживало несколько калмыцких семей, бежавших из России. В качестве ходока "ХТТ" решила направить в Маньчжурию члена организации Ивана Бембиновича Микулинова, жителя города Десина. В октябре 1935 года ему устроили торжественные проводы с пожеланием благополучной поездки. И. Б. Микулинов

выехал на свои средства, благополучно добрался до Дайрена, прислал оттуда письмо. Об этих событиях имеются сообщения в № 12 журнала "Ковыльные волны" за 1936 год.

Переписка С. Б. Балинова свидетельствует не только о его активном участии в Волноказачьем движении в эмиграции, но и о напряженной деятельности в двух-трех редакциях журналов: казачьих — "Вольное казачество", "Казакция"; калмыцких — "Хонхо", "Ковыльные волны". Было задумано издание еще одного журнала — "Санан". С. Б. Бальков вел активную переписку с корреспондентами журналов, с представителями калмыцких колоний, с некоторыми деятелями казачьего движения. Кроме того, он занимается литературным творчеством, журналистикой, публицистикой, готовя редакционные статьи на политические темы.

В одном из писем он сообщает о своей работе над повестью "Взбулгаченная степь"; были у него и драматические произведения. В письме во Францию С. Б. Аршинову, датированном 16 февраля 1930 года, он упоминает пьесу "Хомха хооси", которую в Сербии готовили к "Цагану". Времени до праздника осталось мало, писал он, лионцы все равно не успеют подготовить пьесу к празднику... О том, как приняли пьесу в Сербии, сообщала, видимо, С. Хара-Даван (жена доктора Э. Д. Хара-Давана), если судить по реплике в ответном письме.

В редактируемых им журналах впервые публиковались многие рассказы С. Б. Балькова: "Растоптанный тюльпан", "Любовь опоясанная", "Ассараев сон"; авторизованные переводы с калмыцкого: "Скупой царь", "Ханский указ"; публицистические статьи: "Генералу П. Н. Краснову" (по поводу его нового романа "Ненависть", где карательный отряд чекистов назван "Джунгарским"), "Памяти командира", "Лама Борманжинов", "Этапы калмыцкой эмиграции", "О государственных идеях" и другие.

В 1932 году С. Б. Бальков вместе с И. И. Безугловым переехал в Братиславу, ряд лет издавал журнал "Казакция", альманахи. Сохранилось его письмо в Сербию выпускнику Пражской гимназии С. Кульдинову, написанное на бланке редакции журнала "Казакция".

По имеющимся в фонде библиотеки КИОН произведениям С. Б. Балькова, нескольким номерам журнала "Ковыльные волны" и копиям некоторых его писем разным адресатам прослеживается трудовая, литературная, политическая деятельность С. Б. Балькова до первой половины 30-х годов. Дальнейшая его деятельность перед началом второй мировой войны и во время войны, вплоть до его кончины, мало известна.

В лагере Пффафенкофен в Баварии правление "Союза калмыцкой молодежи" 2 января 1949 года устроило собрание, посвященное памяти С. Б. Балькова, — исполнилось шесть лет, как он ушел из жизни. После вступительного слова председателя правления А. Борманжинова, сообщение о творческой деятельности писателя сделал С. Галданов (псевдоним Ш. Н. Балинова), он, в частности, отметил: "Литературное наследие покойного значительное: он написал большое количество рассказов, повестей, неизданный роман из калмыцкой жизни "Честь девичья", публицистических статей, в общем — 371 название*... (Обозрение, 1948, 25 янв., с. 4).

Далее С. Галданов сказал: "В произведениях Балькова, как в зеркале, отражена калмыцкая народная жизнь во всех ее проявлениях: быт, культура, религия, хозяйство, до мельчайших подробностей воспроизведены обычаи, нравы, традиции, с неизбывной любовью воспевал он свой "Борокчун", свой родной хутор Бога, примитивную мирную... жизнь..." (Там же).

Повесть "Девичья честь" была закончена в 1938 году в Братиславе перед

* Имеется примерный список — 335 названий.

второй мировой войной, с началом которой Чехословакия потеряла свою самостоятельность, наступили годы оккупации.

В январе 1943 года в Братиславе в возрасте 49 лет С. Б. Балыков скоропостижно скончался.

С литературным наследием С. Б. Балыкова мы познакомились в 1990 году, когда по инициативе Джиджи Андреева на праздновании 550-летия "Джангара" в нашей республике побывала группа калмыков из зарубежья, благодаря которой наметились взаимные культурные связи, стали доступны зарубежные издания произведений С. Б. Балыкова: сборник рассказов "Сильнее власти" (Мюнхен, 1976), историко-бытовая повесть "Девичья честь" (Мюнхен, 1983).

Обе книги в 1989—1990 гг. изданы на английском языке Монгольским обществом Университета штата Индиана в г. Бломингтоне. Вот что пишет главный редактор издательства общества профессор Джон Крюгер: "Многие лица способствовали выходу этой книги... В первую очередь, это вдова автора госпожа Дорджима Бембетова, которая финансировала издание покойного мужа на русском языке. Ее добросовестным помощником двух изданий была Долма Ремилава.

Основной английский перевод этих двух книг является трудом князя Давида Чавчавадзе... Проф. А. Борманжинов оказал ему помощь в отношении проблем кочевой и пограничной терминологии, он же написал вводное слово об авторе С. Б. Балыкове...

Все мы, принимавшие участие в издании этих двух книг на английском языке, убеждены в том, что эти книги освещают в истинном виде этнокультурные традиции американских монголов (калмыков — П. А.) и что они нужны в особенности молодым людям калмыцкого происхождения...

Легенда "В долине барсов", вошедшая в сборник рассказов в переводе проф. А. Борманжинова, ранее была опубликована в журнале "Урало-Алтаистика" под ред. д-ра К. Загастера в 1986 г. В данный сборник легенда включена с некоторыми поправками". (Перевод с англ. В. П. Санчинова).

Судя по письмам С. Б. Балыкова, мы видим, что он не был равнодушным человеком, его интересовало, заботило все, что касалось родного народа: он сопереживает адресатам, сочувствует, советует, поучает, иногда и критикует, возмущается. Эпистолярный стиль его очень разнообразен. Для каждого адресата находит он нужные, емкие слова. Письма его, перемежаемые воспоминаниями детства, калмыцкими пословицами, очень разные, содержат много сведений о калмыцкой эмиграции, ее неоднородной политической ориентации, мелкой борьбе за сферы влияния, должности.

Некоторые письма почтительно-уважительные, например, адресованные бабше Санджи-Ракба Менькову, Абуше Алексеву; некоторые нравоучительные, лирические, деловые, полемические...

Вот пример одного из писем С. Б. Балыкова в Сербию от 23 декабря 1931 г., адресованного С. Кульдинову. Сетую на некоторую инертность, он пишет: "...В ваши годы уже был хutorским атаманом в Богла, в 500 дворов, а несколько позже не меньшую роль играл в Зюнгарском полку, где было все сильное, здоровое нашего народа в период его напряженной борьбы с большевиками, а потом в лагере Турции, служба у англичан, работа в Болгарии, Франции, и все время в гуще этого самого народа... Я-то уж знаю его, как свои пять пальцев, знаю все его хорошие и дурные стороны... И такой же путь проделал Шамба. Вы хоть от богатых родителей, а мы с ним — от бедных. Вообще, "народ" и "не народ" в отношении калмыков нельзя употреблять. Это вам не русское дворянство и крепостные. Мы все — народ..."

В другом письме тому же адресату С. Б. Балыков, привлекая его к организации "Хальмг Тангин Туг", раскрывая свою программу политической борьбы, пишет: "...Каждый свои скромные способности, будь то литературные, публи-

пстические, ораторские, сценические, лучшие душевные качества, должен направить в сторону обретения политической, административной свободы.

Но как можно с нашим народом, при нашей численности, материальной бедности, добиваться полной политической свободы? Я думал в семье казачества найти долю культурной, административной и политической свободы, т. е. такого положения, когда Калмыцкая область могла бы выбирать свою власть, строить на калмыцком языке все ступени школы, быть хозяином на своем клочке земли, принимать равное участие в организации общегосударственной жизни и даже центральной власти... Моя идеализация казачества сознательная. На деле же это такой же несчастный народ, как и наш..."

В другом письме от 12 июня 1932 года С. Кульдинову, который выразил сочувствие Вольноказачьему движению, С. Б. Балыков объясняет картину государственного устройства будущего казачьего государства, проекта под названием "Казакция": "...Калмыки, входящие в "Вольное казачество", объединены в организацию, называемую "Калмыцкая национально-политическая группа" — "Халымг Тангчин Туг" ("ХТТ")... Людей мы привлекаем с большой осторожностью... Тебе мы предлагаем спешно, потому что ты нам нужен и полезен, у нас мало представителей молодой эмигрантской интеллигенции, за которыми — будущее... У нас до сих пор нет заместителя председателя, который у нас называется "сельвкчи"... У нас нет представителя в Сербии... Руководящим группой (так называется председатель) — Шамба, главным секретарем — я.

Если согласен, то, пожалуйста, на имя президиума "ХТТ" — заявление ...мол, сочувствуя идее национального самоопределения, будучи согласен с программой "Вольного казачества" и "ХТТ", прошу принять меня в число национальной организации, после этого я вам пошлю билет и сообщу номер значка. Потом будете держать связь с нами. Одновременно с настоящим посылаю на имя Абуши Алексева как председателю правления обращение к калмыкам. Прочтите, узнайте и помогите".

В следующем письме С. Кульдинову, младшему собрату, С. Б. Балыков еще раз разъясняет задачи национально-политической организации "Халымг Тангчин Туг", связанные с национальным возрождением (стиль сохранен):

"1. Вопрос национального возрождения и прогресс невозможен без обретения для нашего народа национально-политических прав, без административной и общественной свободы в своей внутренней национальной жизни. Поэтому наша основная цель — добиться такого положения, при котором калмыцкий народ составлял бы национально-государственную единицу с полным правом самоорганизации своей внутренней жизни, с полной возможностью развития языка, с полной свободой в установлении своей местной власти, с свободой пользования своих местных богатств на основе хозяина своей территории.

2. Вследствие малочисленности нашего народа и природной бедности нашей территории, мы не считаем возможным ставить вопрос о полном государственном, самостоятельном существовании калмыцкого народа. Отсюда мы считаем нужным найти такие силы, которые могли быть нам полезны, с которыми мы могли бы строить общее государство.

3. Такого союзника мы, члены "ХТТ", нашли в лице казачества, в обществе "Вольное казачество". Стали мы на этот путь твердо, решительно и бесповоротно..."

Библиотека КИОН РАН располагает копиями еще 29 писем С. Б. Балыкова за 1930—1932 гг., адресованных в Югославию, Болгарию, Францию различным лицам.

Вся переписка С. Б. Балыкова посвящена одной задаче: вовлечению как можно большего числа членов в "ХТТ", сочувствующих, поддерживающих идеи "Вольного казачества".

Вот одно из таких писем С. Б. Балыкова от 19 февраля 1930 года на бланке

редакции журнала "Вольное казачество", адресованное в Сербию А. А. Алексе-
еву, с обидой на старшего товарища, который не ответил на официальное
послание.

С. Б. Балыков пишет ему: "...В жизни бывает масса случаев ошибочных
шагов. Это плохо, но еще хуже, если... он не имеет мужества в этом признаться.
Я заявляю о своей неправоте в случае определения Вашего отношения к
Вольноказачьему движению и выражаю свое сожаление...

Мне, да и всем нам, калмыкам, вольным казакам, всегда казалось, что Вы
отрицательно относитесь к нашей работе. Вероятно, поводом к такому общему
мнению служило то обстоятельство, что Вы, старый общественный деятель, видя
и зная о возникновении и существовании Вольноказачьего движения, зная, что
два ваших младших брата, под ироническое отношение одних, под открытое
неодобрение других, выбиваются из сил и буквально готовы сделать друга из
каждого, протянувшего руки, два года храните равнодушное молчание.

Если над Вашей волей довлело то соображение, опасение испортить положе-
ние калмыков в Сербии, то Вы все же могли хоть в частном письме написать пару
слов одобрения и поощрения, что в высшей степени окрылило бы меня в нашей
трудной задаче... И теперь, если Вы говорите, что против лиц, работающих в
"Вольном казачестве" ничего не имеете, т. к. Вольноказачье движение считаете
продолжением положения на Дону и в казачьих землях в 1917 г., то я принимаю
ваше слово обратно..."

Письмо С. Б. Балыкова от 20 февраля 1930 года адресовано Эренджену Хара-
Давану. Все оно повествует о состоянии дел в "Вольном казачестве", различных
трениях. В конце письма он пишет: "Мы Вас считаем своим равноправным
товарищем, и никогда Бадма (имеется в виду Б. Н. Уланов) не упустит удобный
случай, чтобы не предоставить достойную роль".

В письме от 17 апреля 1930 г. в Пловдив однополчанину Адаму Павловичу
Зартынову С. Б. Балыков отвечает последнему по поводу стихотворения, посвя-
щенного командиру Зюнгарского полка, пишет, что идея очень хорошая, но тех-
нически стихотворение слабое. Ненавязчиво, не задевая самолюбия автора,
осторожно советует пробовать писать прозой воспоминания, переводить с
калмыцкого. Из этого письма узнаем, что в издательстве "Вольного казачества"
был издан "Календарь-альманах на 1930 г.". С. Б. Балыков агитирует А. П.
Зартынова в число распространителей журнала "Вольное казачество", "Кален-
дарь-альманаха" у себя в Пловдиве.

Далее пишет: "...Я очень рад, что вы как один из сознательных калмыков
поняли необходимость национальной свободы, нашего национального возрожде-
ния... При нашей слабости и малочисленности, нам приходится выбирать
друзей... Таковыми являются наши двухсотлетние односумы-казаки, с которыми
давно смешалась на полях брани и в мирной жизни наша кровь. Вот откуда я
сотрудничаю в "Вольном казачестве".

После присоединения наиболее смелых и преданных, я рад, что в их рядах
первых сознательных сынов калмыцкого народа оказались и вы, Адам Павлович.
Имя и отчество русское, но сердце у вас чисто калмыцкое, так и должно быть. Где
бы мы ни были, каких положений ни достигли, мы всегда и всюду будем
калмыками..."

Письмо С. Б. Балыкова от 17 апреля 1930 г. во Францию адресовано Бадме
Ильзетиновичу (фамилия не установлена, возможно, Иванов или Ходанов).
Здесь есть такие строки: "...от вас как одного из сознательных и интеллигентных
калмыков иного отношения к вопросу национального возрождения я и не
ожидал... Среди наших братьев, среди интеллигенции, рядовых калмыков,
старых и молодых, среди духовенства и даже женщин много сочувствующих и
благословляющих наше становление. Поэтому мы, зачинатели и основатели
этого движения, чувствуем, что мы взялись за правое дело..."

Без национальной свободы жизнь народа невысказима. Она составляет элементарное условие, основное право отдельного народа...".

Далее С. Балыков сетует, что мало калмыков сотрудничает с журналом "Вольное казачество", в основном это рядовые, малограмотные казаки, а грамотные, такие, как Кузьма Сасыков, Санжа Алексеев, Учур Алексеев, смело могли бы сотрудничать, но по калмыцкой скромности удерживаются. Он пишет: "...Я тоже долго не решался выступать со своими рассказами, а потом оказалось, что мог и должен был выступить. Недавно я представил свои рассказы в Институте политических наук (иногда называет "Школа политических наук" — П. А.), и меня приняли действительным слушателем этого Института, а по правилам принимали только с законченным средним образованием, какого у меня нет, я только городское (училище) окончил, но, познакомившись с моими вещами, наши, что я писатель и журналист, потому удостоили приема. Теперь я старый, пузатый студент, под четвертый десяток лет, ...без специального образования, все-таки трудно. Курс Института два года, а по окончании буду квалифицированным политическим деятелем, и тогда "пропадай моя телега, все четыре колеса". Только, дай Бог, благополучно окончить. Трудность заключается в слабом знакомстве с чешским языком. Ну, авось, как-нибудь выдюжусь..."

В ответном письме от 24 декабря 1930 г. Эренджену Хара-Давану С. Б. Балыков огорчен тем, что тот отошел от Вольноказачьего движения, пишет ему: "...Я так же рад, что в вашем лице обрели хорошего товарища, видного собрата... Что же делать, Эренджен?.. Пути наши, видно, расходятся, дай бог, чтобы было на время..., чтобы это было разницей тактических приемов, настроенных к одной только цели — к обретению нашим несчастным народом сносной жизни.

Вы уже второй раз пишете, что у "Вольного казачества" нет целей, кроме освобождения, а дальше что? — спрашиваете вы.

Во-первых, сама по себе основная цель — освобождение — настолько важная и существенная вещь..., по освобождении будем делать то же, что делают все освободившиеся народы, строить нормальную государственную жизнь, приобщать наш народ к мировой культуре, усиливать экономическую мощь, вообще жить, плодиться, размножаться, развивать свой национальный ум.

У казачества есть вековая твердая авторитетная организационная традиция. Это — выборная власть, Войсковой Круг. В составных частях Казакии — местные выборные атаманы, утвержденные центром. Единая армия Казачьего Союза, единое внешнее сношение, единая денежная система, свободная торговля, свобода религии.

Если русская эмиграция ищет, какую форму власти сделать у себя... разбились на десятки партий и на другой же день падения большевиков начнут опять грызться, то у казаков этого не будет, ибо вид государственного устройства у каждого казака в голове готов... Я никогда не затрагивал евразийского, которому вы симпатизируете, из уважения к убеждениям человека. ...Евразийство, на мой обывательский взгляд, — политическое хитросплетение умных русских людей, задумавших под новым интересным соусом предподнести людям старое блюдо великодержавной централизованной России. Я очень боюсь, что тот пункт о народности, которым вас взял Савицкий, только безответные слова... видного человека среди Евразийства..."

Из писем С. Б. Балыкова стало известно, что журнал "Вольное казачество" рассылался во все страны, кроме России.

Письмо С. Б. Балыкова от 26 июля 1930 года во Францию Санже Ивановичу Улюкову, старому другу детства. После приятных моментов воспоминаний детства, удивляясь тому, что они остались живы, какие жертвы понес калмыцкий народ во время войны, он отмечает заслуги народа перед Россией со дня прихода в русские пределы. Объясняет товарищу, что из себя представляет "Калмыцкий союз" во главе с Б. Кушлыновым и "Калмыцкая комиссия культурных работников" во главе с Б. Улановым.

"Калмыцкий союз" — номинально существующая организация, за возвращение в Россию. Б. Кушлынова считают агентом большевиков. К этому союзу примыкали больше рядовые казаки, тяготившие к дому, к семье, хотели вернуться домой (так потом и было. Вместе с Б. Кушлыновым уехали в Россию человек 300 калмыков).

"Калмыцкая комиссия культурных работников" — большая организация, в составе которой люди всех убеждений и политических лагерей. Она кое-что сделала, вся эта работа делалась рукой Шамбы Балинова и моими. ...Оба ушли в "Вольное казачество", работа в "КККР" почти приостановилась... Работа Комиссии свелась к получению пособия от чехов и его поедания... Все же "Калмыцкая комиссия" делала и готова делать хорошее, может быть, еще сделает.

...По-моему, недостатком Комиссии является то, что ее члены слишком разных политических партий, от большевиков до монархиста... Уланов — социалист-националист, Баянов — кадет, центрист, русофил, Д. Ремилев — русскопоклонник, сочувствующий мялюковцам... Эрдне Николаев — казак-демократ, автономист, я и Шамба — националисты с ориентацией на самостийное казачество.

Понятно, каждый из нас считает себя на правильном пути, а другие ошибаются..."

Письмо подписано Шалвур Ниминов (псевдоним С. Балькова).

Письмо С. Балькова от 2 августа 1930 г. во Францию, в Тур, адресованное некоему Борису Хатьковичу (фамилия его не установлена, возможно, это Бембинов или Иванов). Послание это интересно тем, что в нем описываются первые шаги по изданию журнала "Ковыльные волны". С. Б. Бальков пишет: "...Шамба едет во Францию на днях и там останется жить на все время. Вот по этому делу я хотел тебе написать пару слов, ибо считаю тебя нашим близким товарищем, которому не могу не говорить о важных наших шагах. Дело в следующем: Шамба собирается там издавать ежемесячный калмыцкий журнал. Для этого у нас есть ротатор и пишущая машинка. Писать будут: Шамба, я, Хара-Даван, бакша и все, кто сочувствует нашему начинанию. Наши парижские "интеллигенты" помогать нам не будут, так как не разделяют наших взглядов. Но на первый месяц у нас нет денег, а они будут нужны на покупку бумаги и краски. Этот расход думаем с Шамбой покрыть из своих тощих карманов, в то же время надеемся, что и наши товарищи хоть кое-что, на этот первый месяц, дадут. ...На второй надеемся найти средства ...Кроме бумаги и краски, еще нужно изданные журналы разослать. Шаг наш в национальной жизни большой, так как до нас никто не решался издать журнал с чисто политическим направлением. Если был "Улан Залата", то он был журнал аполитичный, как и все другие.

Наш журнал будет ярко националистический, с Вольно-Казачим оттенком. Вот сообщая об этом, я приглашаю тебя к посильному сотрудничеству. Уже Саран (Ремилев) прислал одно стихотворение, посвященное памяти Тепкина. Ты мог бы дать условия рабочего рынка там, где живешь, или просто пока краткое приветствие. Нам надо продемонстрировать, что калмыцкая общественность, т. е. народная масса, не дремлет, ...что-то чувствует, ...думает о своей будущей судьбе...

...Я все еще служу секретарем редакции "Вольного казачества", за лето хочу хорошо подготовиться к зимним занятиям... Журналу своему буду помогать отсюда. Уже для первого номера дал две вещи. Кроме своего имени, я буду писать и под своим постоянным псевдонимом — "Шалвур Ниминов".

...Если бы они (пражские ученые) искренне думали бы и заботились об интересах своего народа, было бы ничего, мнения могут расходиться, это бывает, ...знаю, что двигает действиями их, осуждая нас. Одни из них боятся, что испортят будущую карьеру в России, другие ...возмездий, иные ...что испортят отношения с русскими..."

Письмо С. Б. Балыкова, написанное в августе 1930 г. в Сербию, адресованно Санже Алексееву, в нем он поздравляет друга с переменой в жизни, женитьбой. После мелких подробностей далее пишет: "...Вот на днях Шамба выезжает в Париж и будет пытаться там издавать свой калмыцкий политический журнал. Есть ротатор, пишущая машинка и умение обращаться с ними и желание. Дело за небольшими деньгами, но и этот вопрос решим при некотором самоограничении.

Само собой разумеется, я не исполнил бы дружеского долга по отношению к тебе, если... не сообщить и пригласить тебя, как одного из молодых, хорошо грамотных калмыков к сотрудничеству с нами. В твоём умении и желании я не сомневаюсь...

Если ты на самом деле сочувствуешь идее национального освобождения, независимо от шансов и пр., тебе предоставляется возможность сотрудничать в своём калмыцком журнале, который ни копейки ни от кого не получает и не будет получать, который хотят издавать два фанатика исключительно на свои дырявые копейки...

Будь счастлив. Твой Санжа".

Последующие письма С. Б. Балыкова во Францию, Болгарию посвящены предполагаемому переселению в Америку.

Вот письмо С. Б. Балыкова от 29 августа 1930 г. Джабу* в Болгарию. После обязательных приветствий и расспросов о родственниках пишет следующее: "...А потом считаю нужным сообщить для сведения... всех калмыков следующее дело: здесь большая группа казаков, около 700 человек, и калмыков 150 человек собираются поехать в Америку для поселения на земле. Я состою членом Казачьего колониального комитета, который весной послал в Америку для осмотра земли, знакомства с местными условиями и переговоров с хозяевами земель и с американскими финансистами для кредита нам денег. ...Инженер Терещенко побывал в степях Техаса и северной Мексики, осмотрел землю, переговоры с кем надо... сообщает, что земля годна для обработки, плодородна, вода хорошая, есть реки, богатые рыбой. ...Места лежат по берегу морского залива... Климат сухой, теплый, ...американцы устраивают там санатории...

...Так вот, дорогой Джаб, подумай, переговоры с соседями... составляют мне список и пришлют... для зачисления в список едущих. Из вашей Платовской станицы многие записались: Цуцукоев Санжа, Хабу Яманов, Шунгуров, Бальжир Иванчуков, Эренцен Пагинов и др. Из иловайцев едут Александр Абушинов во главе..., доктор Хара-Даван, Абуша Алексеев тоже записались..., спишется с пловдивскими... Я сам еду. Твой брат Санжа Балыков".

Другие письма С. Б. Балыкова во Францию, в Нант, Гренобль, адресованные Ивану Абушинову, Кузьме Шарашевичу Сасыкову, Кони и Санжа *Умехов* все о том же, о предполагаемом переселении в Америку, — что делать, куда присылать списки желающих.

Два письма С. Б. Балыкова от 28 октября и 1 ноября 1930 г. — Шамбе Балинову.

Первое письмо разбито на пункты, их шесть:

1. Дает Шамбе поручение навести справки по Средней Азии, конкретно по Киргизстану, о киргиз-кайсаках (название казахов), о размере территории, числе всего населения, киргизов — отдельно. Сообщает, что у него готова статья в 30 машинописных страниц, ему нужно только уточнить некоторые данные.

3. Советует оставить журналу название "Ковыльные волны".

5. Предлагает заблаговременно подготовить материалы для сборника, написать Хара-Давану, что он может дать, на какую тему и сколько. Самому Шамбе

* Джаб, по письму, уроженец Платовской станицы. Возможно, его фамилия *Яманов*. *Калмыков*.

предлагает написать статью "Уход калмыков из России, его причины и последствия для судьбы народа".

6. ... "Взбулугаченную степь" решил увеличить еще тремя главами и довести до размера приличной повести. Я еще не иссяк. ... Намечается еще пять-шесть сюжетов...".

В конце письма сообщает о своей болезни, пишет, что он храбрится, лечится, что в Страшнице (т. е. в калмыцкой колонии в Чехии) он не бывает, "Улан Залата" сдан в дело.

Во втором письме к Шамбе Балинову все те же вопросы по поводу журнала "Ковыльные волны", денег, расходов на издание.

Письмо С. Б. Балыкова от 1 декабря 1930 г. в Сербию Абуше Алексееву написано на бланке Казачьего колониального комитета:

"Дорогой и глубокоуважаемый Абуша Апелевич,

Итак, пишу Вам ответ на то Ваше большое письмо. Я чрезвычайно рад тому, что своей статьей о Вашем юбилее вызвал Ваше удовольствие. Поверьте, что я не для благодарности от Вас ее писал. Если писал, то так и думал, и это находил нужным и достойным во всеуслышание сказать. Но не все так, оказывается, думали... Грустно все это.

... Работы у меня всяческой стало много, что не замечаю, как старею с каждым днем.... с раннего утра до позднего вечера все что-нибудь делаю, все не успеваю, мечусь как угорелый, то редакция, то школа, то Комитет, переписка, надо писать в журнал и туда (т. е. в "Ковыльные волны"), и сюда (ж-л "Вольное казачество"), и еще интересно жить такой жизнью... Там что выйдет из нашего дела или ничего не выйдет, кто его знает, но, по крайней мере, сейчас живу-горю и чувствую себя исполняющим свой национальный долг. А это чувство — хорошее чувство".

В письме от 12 июня 1931 г. во Францию своему станичнику Борису Бембинову, кроме всяких новостей, сообщений о выходе 3-го номера журнала "Ковыльные волны", С. Б. Балыков пишет о том, что содержание этого номера будет гораздо интереснее, разнообразнее первых, что он написал рассказ "Растоптанный тюльпан" и ряд политических статей, а Шамба написал международный обзор, статью из истории калмыков, Саран Ремилев — стихотворение, посвященное полковнику (Гаврилу) Тепкину; дали стихотворения Петр Крюков, Владимир и Константин Поляковы...

Из этого письма видно, что С. Б. Балыков был хорошим наставником, подталкивал людей к действию, — чтобы писали, развивались. Он советует Борису переехать в Париж, ближе подружиться с Шамбой; поскольку он уже хорошо знает французский язык, советует читать хорошие книги, сочинения французских писателей и политических деятелей — Клемансо, Эрио, Анатоля Франса и других.

Пишет об успехах учеников-станичников, уроженцев станицы Денисовской, сообщает, что их уже пятеро вместе с ним самим: Содмон Кульдинов, Мирма Шиханов, Санжа Уланов, Александр Бурчинов. У. А. Бурчинова были способностями к рисованию, и он из Моравской гимназии перешел в художественную школу в Праге. Он и оформил обложку 3-го номера журнала "Ковыльные волны".

Письмо от 5 августа 1931 г. в Сербию Санджи-Ракба, башке Санджи Басановичу очень почтительное, уважительное, с интересными предложениями человека, глубоко заинтересованного в решении некоторых вопросов, связанных с религией калмыков, образованием молодежи. В очень деликатной форме предлагает Санжи-Ракба выступить с инициативой оказания помощи студентам в Чехии, оставшимся без стипендии, путем общего сбора денежных средств среди калмыков, хотя не совсем надеется на успех.

Интересуется мнением уважаемого бакши Санжи-Ракба о его статье о ламе (речь идет о ламе Менько Борманжинове): правильно ли он оценил его деятельность?

Дальше сообщает: "...4-й номер выпустим нескоро, так как у нас с Шамбой порох денежный кончился, а помогать никто не помогает и мы залезли в долг... Постараемся к "Зулу"... Готовьтесь к этому времени написать в калмыцкий отдел текст побольше. Как вы думаете, не поднять ли нам вопрос об избрании одного из бакшей духовным главой, "Ламой" всей калмыцкой эмиграции? Ведь для этого не обязательно съезжаться, а можно путем письменных голосований, так называемым способом плебисцита. Вы поднимали вопрос, чтобы отдать двух-трех детей в манджики. Вопрос, по-моему, интересный...

У нас здесь в этом году большое горе: чехи сократили помощь русской эмиграции... Шестеро наших студентов лишились стипендии... принуждены бросить университеты. Вот беда... Некоторые предлагают обратиться к калмыкам... ежемесячно жертвовать по 5 франков..., чтобы дать возможность этим студентам закончить университеты...

Ваш Санжа".

Письмо от 25 августа 1931 г. во Францию станичнику Шаршикову:

"Ваше письмо, адресованное редактору журнала "Вольное казачество" я как секретарь редакции и как единственный в ней представитель калмыков читал. Я очень рад, что идея, проповедуемая нашим журналом, интересует вас. ...По моему глубокому убеждению, возрождение калмыцкого народа будет обеспеченным, если казачество получит самостоятельное государственное положение и в состав этого государства в качестве равноправной, федеративной единицы войдет и калмыцкий народ. В программу "Вольного казачества" это входит... Мы, члены калмыцкой политической группы "Хальмг Тангчин Туг", издающей журнал "Ковыльные волны", входим в состав вольноказачьей партии. Руководим организацией я, Санжа Балыков, и Шамба Баинов.

...Вы пишете о своем желании поддержать студенческую кассу взаимопомощи. Дело хорошее... Положение студентов еще больше ухудшилось. Почти все они потеряли стипендии от Чешского правительства... Я тоже состою членом кассы, ежемесячно вношу по 10 франков.

Вы во Франции многие не пропали, сделали карьеру. Надо полагать, что вы человек энергичный, а калмыцкому народу таких надо много-много..."

На этом письме обрывается.

Среди копий писем С. Б. Балыкова за 1930—1931 гг. имеется несколько писем без даты. Среди них единственное письмо С. Б. Балыкова, адресованное женщине. Это Сарра Бембинова, жена доктора Эренджена Хара-Даван. Мы раньше упоминали о нескольких письмах С. Б. Балыкова Эренджену Хара-Давану, с очень уважительным обращением как к собрату, соратнику, другу, близкие отношения с которым сложились не в первый год. Надо полагать, автор письма и его получательница знакомы были раньше, со времен учебы в станице Великокняжеской, в Чапраке. С полной уверенностью можно предположить, что в группе молодежи, ездившей в 1917 г. в Башанту, описанной С. Б. Балыковым в повести "Девичья честь", была и Сарра Хара-Даван, в девичестве Алексеева. По предположению старых эмигрантов, С. Хара-Даван послужила писателю прототипом Джинджи, одной из героинь повести, а ее жених Эрдне Пуков, погибший на острове Лемнос, — прототип Бадни Цагакова.

Поскольку это единственное письмо, обращенное С. Б. Балыковым к женщине, приводим его полностью.

"Дорогая Сарра Бембинова,

Я очень боюсь в этом письме перейти грани обыкновения, ибо так сильно во мне сейчас kloкочут волны бурного восторга от вашего краткого, как будто наспех набросанного письма.

Жестокий вы человек, как и все хорошенькие женщины. Я до сего времени был уверен, что вы, в лучшем случае, равнодушны к моему национальному трепету, к моему горению, ибо вы ни устно, когда были, и никаким иным образом

не давали мне понять о вашем сочувствии, что приходится думать так: "Сарра — интеллигентная женщина, не может быть совершенно равнодушной к нашему новому движению, она должна была выразить сочувствие или открытое порицание, но раз ни того, ни другого нет, значит она просто не хочет нас огорчать своим осуждением".

Но, (ох, как приятно) оказывается, вы сочувствовали нам и одобряли нашу скромную, честную работу, работу, которая вызвана никакими иными соображениями, кроме как только искренней верой и убеждением, что так нужно во имя интересов нашего несчастного народа.

Я говорю всегда и всюду, что идея национальной свободы так притягательна и хороша, что если хоть из тысячи шансов есть один за осуществление нашего стремления, то за этот один шанс стоит жертвовать жизнью. А у нас, в данных условиях международной обстановки, в данном положении России, шансов на воплощение нашей идеи в жизнь больше, чем один.

Много приходится встречаться на путях работы со всякими неприятностями, подчас даже мириться и с тем, с чем в обыкновенных делах не примирился бы, но сознание, что все это нужно, чтобы достичь конечную цель, дает силу и крепость. Многие не одобряют нашу работу, и каждый случай осуждения, особенно, от своих старых братьев и друзей, нас сильно огорчает, но зато бывает немало моментов внутреннего удовлетворения, когда от других получаешь пару добрых слов.

Смелее смотришь тогда вперед, ровнее и увереннее дышишь. Недавно я, совершенно неожиданно, получил доказательство сочувствия нам Абуши Апелевича, который у нас считался безнадежным в этом смысле. Меня сильно это обрадовало, и я написал ему очень теплое письмо. Я везде, в каждом ищу поддержки и помощи; взялся за Санжу (Алексеева) не взирая на всеобщее неважное отношение к нему здешних, и думаю, что из него выйдет хороший мне товарищ. По существу, он парень способный.

Но, ей-богу, не комплимент, никогда до сего времени, ни от кого я не получал такую награду за свою работу, как от вас, в виде вашего маленького письма. Из вашего письма выходит, что я даже осушил слезы на ваших прекрасных глазах... (Стой, как бы тут не перейти в объяснение иного порядка, ведь я старый ваш поклонник, поэтому и нужно мне с вами осторожно).

Одним словом, большое вам спасибо. Я настолько обрадован вашим с нами политическим единомыслием, что не огорчаюсь, что наши не вполне поняли и оценили мою песю. Ничего. Все будет в свое время. Придет время, поймут. Я еще много буду писать — и хуже, и лучше.

Я совершенно не удивляюсь, что не поняли и должным образом не приняли драму, так как я помню время, когда я впервые выступал с своими рассказами, многие возражали и указывали на ту или иную неточность... т. е. не понимали, что значит рассказ, что значит статья, беллетристика или публицистика. А потом, слава богу, привыкли и теперь очень хорошо читают.

Я часто себя спрашивал, почему Сарра никогда ничего не пробует и ни от кого не мог добиться ответов. Нельзя смотреть, что наши не поймут и не одобряют. Ведь куда дальше идти? Осудили, да еще группой, выход книги Эренджена. Что с таких требовать! Если на них смотреть, так совершенно ничего нельзя делать. Ведь я ни разу нигде не говорил про уксна зовлг, у меня калмыки всегда едят мясо от зарезанного животного, а если говоришь про то, так возмущаются. Ну, это действительно наш национальный позор, и про него нужно всегда молчать, чтобы наши не только перестали употреблять, но и забыли, что когда-то его ели. На этом я кончаю и даю бумагу моей Доржме, которая тоже Вам хочет что-то написать. Целую ручку, не только на словах.

Ув. Вас Санжа Балыков".

Письмо С. Б. Балыкова во Францию У. Д. Алексееву, не датированно, но судя

по содержанию, написано в 1932 году, так как в это время С. Б. Балыков должен был закончить учебу в политической школе. Основное содержание письма все о том же: вовлечение новых членов в организацию "ХТТ".

С. Б. Балыков пишет: "...Мы за числом членов никак не гонимся, считаем, что лучше быть в числе двух-трех, но надежных и достойных... Вас бы мы приняли... Мы приняли такое правило, чтобы иметь людей, ладящих между собой, чтобы меньше скандалов было. В общественной работе это имеет большое значение. Все равно миллионную партию не наберем, так хоть выиграть в качестве и крепости партии..."

Письмо С. Б. Балыкова Эренджену Хара-Давану, не датированное (оно могло быть написано не раньше 1928 г. и не позднее 1931 г.). Из него следует, что С. Б. Балыков выполнял в Праге некоторые поручения Э. Хара-Давана, проживавшего в Сербии. После всех деловых ответов и местных новостей он пишет: "...Как ваш тесть? ¹ Бедные, как они там еще живы. Видимо, и мои братья ² тоже там. А какая ужасная жизнь... Бедная Сарра, ³ как она должна переживать, зная, что старый отец именно в таких нечеловеческих условиях... Я хоть не уверен про своих братьев, может быть, они оказались более счастливыми и уже умерли... И вот как подумаешь, что все лучшие люди в таких условиях..."

...Да, Владимирцов умер. ⁴ В газете была точная дата. Жаль... Скоро и старик Котвич ⁵ отойдет, и кончатся хорошие ориенталисты... Уваж. ваш Санжа".

Во Франции у станичника А. Конторова случилась семейная трагедия, которая привела к смерти жены. С. Б. Балыков обратился к станичникам с письмом, которое, судя по упоминаемым в нем именам жителей Белграда, было направлено в Сербию:

"Дорогие станичники, денисовцы.

Все вы уже слышали, как с нашим молодым станичником Антар Конторовым случилось большое несчастье и как его трое детей остались без призора и временно приютены сердобольными людьми. В жизни человека бывают моменты, когда необходима бывает общая помощь первому, наиболее серьезно пострадавшему. Положение Конторова и его малолетних детей и есть тот случай, когда нам, его станичникам, нельзя молча пройти мимо несчастья. "Балудт унш темэнэ эзнэ күчддг" — точно так же и мы, бокшурганкна өөмгө залус, ик-баһ уга, угатя-байн уга, пуһар дүүһөн дөңгж, зовлаңгас гетлулх, өнчрсн бичкн күүкдтн адгтан эцкинь орвулх зөвтөвиди..."

Я не думаю, что все вы останетесь равнодушными к этому случаю, и сумеете урвать от своих трудовых грошей понемножку, чтобы помочь делу его освобождения. Чтобы нанять адвоката... добиться освобождения надо 2000 франков... Я думаю, что мы, денисовцы, сумеем преодолеть такую сумму... И калмыки других станиц помогли нам... Беда случается с каждым..."

¹ Тесть — речь идет об отце жены Э. Хара-Давана Б. С. Алексееве, уроженце ст. Граббевской. В 1929 г. семья учителя Б. С. Алексеева (он, жена и сын) были выселены на Урал. Через год они оттуда бежали, подверглись гонениям. Сын их, Б. Б. Алексеев (1911 г. р.), не вернулся с фронта.

² Мои братья — один из братьев Б. Б. Балыков, работник Сальской зонально-опытной ветеринарной станции, подвергся репрессии, в 30-е годы сослан на север; участник войны, вернулся к семье в Сибирь после войны (со слов дочери К. Б. Балыковой, 1992 г.).

³ Сарра — жена Э. Хара-Давана, С. Б. Хара-Даван (1892-1980 гг.), умерла в Америке.

⁴ Владимирцов — акад. Б. Я. Владимирцов (20 июля 1884 — 17 авг. 1931 гг.).

⁵ Старик Котвич — ориенталист В. Л. Котвич (20 марта 1872-1944 гг.).

Случилось следующее: у молодого калмыка А. Конторова, фабричного рабочего, больнога, жена ушла к другому, оставив троих детей. Муж пришел разобратся к сопернику, убил жену, от испуга умерла еще одна женщина, француженка, жена калмыка, ожидавшая ребенка. Конторова посадили, дети остались без родителей.

Причина трагедии имеет глубокие корни — всему виной война, трагедия беженской судьбы. В эмиграции оказались в большинстве мужчины-казаки, женщин было мало. Вопрос создания семьи был очень сложным, многие казаки-эмигранты так и состарились одиноками.

Трагедия одной семьи, судьба детей волновала всех сородичей, они приняли посильное участие в их судьбе. Сын Конторовых И. Конторов воспитывался в семье Ш. Балинова, двое других были определены в детские учреждения. (Со слов И. Конторова, г. Элиста, 1992 г.).

Письмо С. Б. Балыкова от 28 марта 1932 г. в Россию адресованно Нури Илюмжиновичу, тоже эмигранту, незадолго до 1932 года вернувшемуся на родину, который в письме к другому адресату интересовался С. Балыковым и передавал приветы. В ответном письме С. Б. Балыков пишет: "Мое письмо вызывается тем обстоятельством, что в вашем письме услышал явное желание получить отсюда информацию о жизни и положении калмыков в эмиграции. На этот счет осведомленнее меня нет, потому что я имею связь со всеми эмигрантскими колониями..."

Писать туда вам, в страну, куда опасно писать, чтобы не доставить получателю неприятности... я всегда воздерживался. Но вот вы почти с самого начала возвращения туда продолжаете писать и напрашиваетесь на ответы... Ну, что же, дай бог, чтобы вы преуспели в своей деятельности... сумеете оказаться полезным строем народу в его современном положении.

Итак, я начинаю:

1. О калмыцкой эмиграции вообще.

Не считая отдельных калмыков, разбросанных по разным странам, главная масса, 1000 с лишним душ, находится, как вам известно, в Болгарии, Югославии, Чехии и Франции, преимущественно в последней. По численности после Франции идут Сербия, Болгария, Чехия. Помимо этого, в Польше — 15 человек, 4—5 человек — в Бельгии, 1 — в Аргентине, 1 — на Корсике, 1 — в Турции, десяток во Французском легионе.

2. Условия жизни. Живет большинство во всех колониях тяжелым физическим трудом... 8—10 часов физической или строевой работы, служба в подводчиках, кучерах, работники в сельских хозяйствах.

В результате кризиса... потеряли работы, кое-кто нуждается, но с голоду никто еще не умер и руку еще никто не протягивает на улице... Во Франции безработные пользуются государственным пособием, достаточным на пропитание. В частности, мой тесть... вот уже больше года сидит на французском пайке и даже не ищет работы, и таких стариков в Париже 7—8 человек.

...Ваши письма рисуют недурную жизнь... картина тамошней жизни нам известна...

...Вы писали, что Амур-Санан состоит зав. восточным отделом при Госфильме и что нуждается в бытовых материалах... Таких вещей больше всего у меня. Одних бытовых рассказов, напечатанных... около 30 и большая повесть. Я бы дал ему даром, но вот как переслать... Его книга ("Мудрешкин сын") у меня есть, вижу, что человек легко и с душой пишет... Советские фильмы я видел. Это клюква на клювке. Например, "Буря над Азией"..."

* Так назывался за рубежом фильм кинорежиссера В. И. Пудовкина "Потомок Чингис-хана" (1929).

...Теперь разрешите Вас просить удовлетворить мое любопытство: я хотел бы знать, живы ли мои родные, кто жив и кого нет... если напишете, буду искренне рад.

...Рерих** прислал в наш храм в Югославии иконы из Монголии и Тибета. Наш бакша*** бакшует, бакша Нимбушов живет во Франции и несут свои миссии — удовлетворение религиозных запросов своих собратьев. Если только можете, хоть двумя словами ответьте на мой запрос, хоть в чужом письме о моих родных... Уважающий СББ".

Из обзора имеющихся материалов, изданий произведений С. Б. Балыкова, зарубежных калмыцких журналов, копий некоторых его писем разным адресатам за 1930—1932 гг., имеем возможность узнать о литературном творчестве писателя, его общественно-политической деятельности и о жизни калмыцкой эмиграции в целом в первое десятилетие их пребывания на чужбине. Мы узнаем о быте эмигрантов, пока еще не забытых народных традициях, трудовой деятельности, учебе молодых, политической борьбе старшего поколения за сферы влияния, т. е. видим их такими, какими были в действительности, — как жили, трудились, приживались на новом месте, в новых условиях, в иноязычной среде, как стремились в единению, чтобы не раствориться среди чужих народов...

*** Рерих Н. К. (1874—1947), русский художник, путешественник, тибетолог, жил за рубежом с 1918 г., в США, Индии. Совершил ряд путешествий, два из них по Центральной и Восточной Азии.*

**** Бакша Санджу-Ракба, Санджу Басанович Меньков, бакша буддийского храма в Белграде с 1929 г.*

АВТОНОМИИ КАЛМЫКИИ — 75 ЛЕТ

Отмечалось 75-летие образования Калмыцкой автономной области и 60-летие ее преобразования в республику. Этому событию была посвящена XIV сессия Народного Хурала (Парламента) РК, на которой с докладом "Государственность Калмыкии: прошлое и настоящее" выступил Председатель Народного Хурала (Парламента) РК К. Н. Максимов.

На сессии выступили директор КИОН РАН К. П. Шовунов, профессор КГУ, д. и. н. М. П. Иванов, директор КНИИМС С. Д. Дурдусов, заместитель Председателя Народного Хурала (Парламента) РК В. С. Сергеев, активные участники государственного и хозяйственного строительства республики 60-80 годов Г. Д. Хейчиев, И. Н. Эльвартынов.

Было оглашено поздравление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина по поводу 75-летия государственности Калмыкии.